

НОВОЕ ВРЕМЯ

17

28 апреля 2002

Футбол и театр
Котэ Махарадзе

Почему ученые
бегут из России?

Сколько стоит
научная школа?

Нужна ли
государству наука,
а науке – государство?

ИГРЫ РАЗУМА

РИФМА МЕТАФОРЫ С ФУЭТЕ

*Ряд волшебных изменений
андрогина, рожденного
Рудольфом Хачатряном*

Екатерина Дробязко

Придуманный фирменный знак — узнаваемая рифма. К слову, если маневр многожды повторять, даже в новой ритмике он будет угадываться, этот собственный «рерайтинг», который в некоторых случаях ведет к успеху.

Допустим, балерина Л. хорошо исполняет фуэте и знает об этом козыре. В своем регулярном танце она исполняет его на бис.

Фигурист Я. каким-то особенным образом делает свою «коронку» — пробежку по льду, и ради этого момента, может быть, и существует весь его сногшибательный номер.

Писатель П. знает, что успех книги, в том числе и коммерческий, зависит от его умения найти несколько ключевых метафор. Они превратятся в слоганы, их станут тиражировать пиар-агенты издательства. И он, долго думая, придумывает ход, многократно его сканируя, полумерами не грешит.

О политиках можно не говорить — по имиджу и почёт.

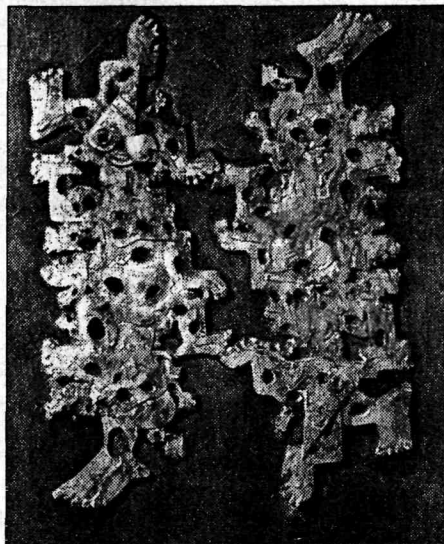
Рифма же Создателя — божественная печать.

Эксплуатацию трюка хочется называть ремесленничеством, а можно — постоянной работой над собой. Бесконечный пазл творчества, поиск нового в уже освоенном пространстве. Так бывает? Так бывает у художника Рудольфа Хачатряна, рифмующего метафоры с фуэте.

В его работе с холстами, маслом, левкасом наблюдаются два мейнстрима:

Сато. 1956 год

Многомерный объект № 3. 1996 год

изображение мира реальных людей и вещей и представление нам мира мифологического.

В жизни Рудольфа Хачатряна были самостоятельность выбора, принципиальность и как следствие ее — исключение из художественного училища, встречи с гениальными, известными и равновеликими, опыт превращения из «художника Армении» (республиканская выставка) в «выдающегося русского художника XX столетия» (выставка в Лондоне).

В мире реальном — нарисованная карандашом ткань («Драпировка» 1 и 2, 1952 год) выглядит живой, приклеенной на бумагу. Тонкие, нежные портреты отсылают к Ренессансу и большим голландцам.

В мире мифологическом Хачатряна — многомерные объекты. Женщина — ребенок, мужчина — женщина, мужчина — ребенок могут быть одним и тем же состоянием человека в разное время жизни (или, чтобы облегчить ему жизнь, назовем его андрогином).

Ашуги от искусствоведения всерьез изучают «параллельности» Хачатряна и возмущаются философией авторского разговора с рельефными формами.

Нанизанные друг на друга головы, ноги, руки, тела — то ли свальный грех, то ли модель Вселенной. Нарисованные, вырезанные из дерева и раскрашенные, статичные и вертящиеся вокруг своей оси — совершенству, как мы знаем, нет предела, и художник будет лепить свой параллельный мир, повторяясь и рифмуя излюбленные приемы.

На ретроспективе работ Рудольфа Хачатряна в Академии художеств можно было увидеть «ряд волшебных изменений милого лица» (головы, ноги, руки, тела) андрогина, организовавшего вокруг себя пространство, в котором однажды рожденное постоянно самоцитируется, но отчего-то не исчезает. ■

ка обедняет сам апофеоз, но горечь утраты подслащивается огромным бутафорским тортом, который и становится главной деталью финала.

Работая над «Щелкунчиком», Шемякин, вероятно, настолько вошел во вкус, что решил теперь поставить в Мариинке новый балет по мотивам «Сказки о твердом орехе», которая собственно является частью «Щелкунчика и мышинного короля». Так что в скором времени петербургская сцена получит балет «Принцесса Пирлипат», повествующий о том, как и почему юный Дроссельмейер из Нюрнберга превратился в уродливого Щелкунчика. Остается надеяться, что будущий хореограф спектакля проявит должную изобретательность и фантазию, и танцевальная сторона балета столь очевидно не уступит его музыкальному исполнению, постановке и декорациям.

Еще одну совсем уж необычную работу, представленную в номинации «Новация», привезла питерская труппа «Комик-трест». Спектакль под названием «Белая история» повествует о некоем белом королевстве, где, как и положено, имеется своя белая королева, белая принцесса, белый рыцарь и белый грум. Жанр спектакля, как следует из программки, назван изобретательно — «виртуальные хроники». В действительности же это набор скетчей, гэг и сценок в лучших традициях Вячеслава Полунина и «Лицедеев». Так что новаторства формы здесь нет, зато есть новаторство содержания. Худрук театра Вадим Фиссон заложил в клоунаду множество культурных и исторических намеков, превратив тем самым «Белую историю» в остроумнейшую пародию на современных политиков, артистов, музыкантов, любителей компьютерных игр и всех наших современников вообще.

Все та же программка, дизайн которой, кстати, разработан самим Фиссоном, гласит, что «Комик-трест» тяготеет «более к клоунаде, чем к трагедии», и это несомненно. Хотя мизансцена, когда дряхлая королева стоит под дождем из мыльных пузырей и смотрит в пустоту, достойна любой трагедии. Театр также тяготеет «более к движению, чем к слову, более к импровизации, чем к драматургии, более к космополитизму, чем к местечковости». Этим, пожалуй, можно объяснить популярность команды Фиссона не только в Санкт-Петербурге, но и на Западе. Недаром в программке признается, что театр тяготеет «более к валюте, чем к рублю». Наконец, артисты «Комик-треста» склонны «более к Боле, чем к Менее», поэтому на сцене они вытворяют все мыслимое и немыслимое. На зрителя обрушивается каскад пантомим, актеры маршируют, фехтуют, зажигательно отплясывают под Рики Мартина, играют в мяч, рубят головы, надувают мыльные пузыри, «толкают» речи и даже хватают с неба звезды (предварительно их на него прикрепив). Спектакль могут смотреть и взрослые, и дети. И когда замолкает хохот взрослых, в наступившей тишине маленькие дети начинают тихонько и уморительно смеяться над вещами, которые понятны только им. ■